

Переводы и комментарии

ПОЛИТИКА И МАССОВАЯ ИММИГРАЦИЯ¹

Г.П. Фримен

Техасский университет в Остине (США)

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует перевод англоязычной статьи Гэри П. Фримэна, включённой в новую серию Оксфордских учебников по различным аспектам политической науки под названием «Контекстуальный политический анализ». Данная книга была опубликована в 2006 г. под редакцией Роберта Гудина и Чарльза Тилли.

Ключевые слова: население, международная миграция, иммиграционная политика, ЕС, миграционный контроль.

Население является основой формирования государственности и одновременно зависит от нее. Государства стремятся к контролю, управлению населения и улучшению демографии. Происходит это за счёт переписи населения, ведения статистики рождаемости, смертности и заключения браков, управления социальными опросами, построения этнических, расовых и социально-экономических категорий [Sanders 2002], контроля над внутренней миграцией и ее урегулированием, а также посредством различного рода социального обеспечения и правоохранными мерами. Государства могут также попытаться повлиять на численность и темпы роста населения. Высокие или низкие коэффициенты рождаемости могут иметь политические последствия в случае, если они вызывают опасения относительно социального спада или слишком быстрого роста населения отдельных групп. Попытки регулирования репродуктивного поведения граждан приводят к неоднозначным и непредвиденным результатам [United Nations (UN) 2001]. С помощью военной силы числа могут сократиться или внезапно увеличиться, но для политических систем со стабильными границами и регламентируемых правилами самым реальным и политически значимым источником изменения численности населения является миграция. Данная глава посвящена исключительно вопросам политики и массовой иммиграции в западных демократиях.

Изменение в составе населения современных европейских обществ приходится больше всего за счет отъезда жителей, нежели приезда новых. В 17 и 18 вв. огромное количество поселенцев, колониальных администраторов, солдат, священников и заключённых поселилось в

¹ Перевод с английского языка А. Акопян. Оригинал статьи под названием “Politics and Mass Immigration” включён в Раздел № 8, Глава 34 в The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis. Edited by Robert E. Goodin and Charles Tilly. — Oxford University Press. Oxford New York, 2006. — P. 636–649. — Доступно: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199270439.001.0001/oxfordhb-9780199270439>. — Проверено 10.08.2017.

Новом Свете из Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Нидерландов и других стран [Moch 2003]. Соединённые Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия стали классическими странами иммиграции, как и в меньшей степени страны Южной Америки и южной части Африки. В 19 в. и начале 20 в. другой большой поток человечества из Западной и Восточной Европы, примерно 55 миллионов, переместился в основном в Америки и Австралию [Stalker 2000; Hatton, Williamson 1998].

Однако, начиная с середины 20 века, все западные демократии стали де-факто странами назначения для мигрантов. Экономические и демографические тенденции свидетельствуют о сохранении такой картины в дальнейшем. Разница в реальной ставке заработной платы между Западом и другими частями мира сильно отличается. Коэффициенты рождаемости на Западе, как правило, находятся на уровне или ниже уровня замещения поколений, тогда как в регионах отправления они значительно выше [Stalker 2000]. Эта последняя массовая миграция с ее преимущественно восточно-западным и южно-северным траекториями представляет собой эпоху, определяющую изменение в направлении потоков для европейских стран и существенное увеличение давления в отношении въезда и изменения в происхождении мигрантов для традиционных стран иммиграции [Massey, Arango, Hugo, Kouaouci, Pellegrino, Taylor 1998].

Международная миграция, таким образом, представляет собой ключевой контекст для современной политики в либеральных демократиях². Правительства и электораты демократических стран глубоко противоречат друг другу в вопросах иммиграции и проводят противоречивую политику, приводящую к неудовлетворительным результатам. С одной стороны, ограничительный импульс заставляет западные государства стремиться контролировать и ограничить миграцию, где ограничение обусловлено желанием, страхом и предрассудками. Западные государства и их граждане стремятся сохранить материальные и политические привилегии, опасаются общественных беспорядков и отсутствия безопасности, проявляя таким образом предрассудки против этнически и культурно различаемых народов, которые, как считается, подрывают социальную сплочённость и традиционный образ жизни. Враждебное общественное мнение, акты насилия и дискриминация, алармистские средства массовой информации, сужающиеся сети национальных и региональных положений, а также появление партий правых экстремистов, эксплуатирующих антииммигрантские тревоги, — свидетельствуют о высокой степени ярости, порождаемой этой проблемой. Желание, страх и предрассудки формируют непристойный «осадный» менталитет в основе западного демократического капитализма.

Но есть и другая сторона этой истории. Борьба за сохранение экономических привилегий и национального суверенитета происходит в контексте конституций, законов, политических культур и экономик, которые сильнее усилий, предпринимаемых для исключения мигрантов. Либеральные государства, основанные на уважении индивидуальных прав, поощряют индивидуальную инициативу, процветают за счёт производительности свободных рынков и избегают навязчивого регулирования частного поведения. Усилия по контролю иммиграции идут вразрез с противоречивыми ценностями и институтами, которые их воплощают. В то же время, если для некоторых миграция воплощает ужас, то для многих других она представляет собой возможность и приветствуется положительно. Впечатляющее стремление к включению имеет место рядом с ограничением.

² Хотя миграция представляет собой контекст западной политики, западные государства помогли ее создать. Подобно тому, как миграция из Европы была часто вынужденной, так и нынешняя иммиграция частично является следствием действий западных государств. Их колониальная политика породила постколониальные миграции. Их военные вмешательства приводят к появлению беженцев. Торговля и инвестиции в «развивающиеся регионы» вносят свой вклад в новые миграционные потоки. Кроме того, некоторых мигрантов активно принимают на работу, а других привлекают благоприятные условия труда на Западе.

Для одних массовая миграция — это не просто контекстуальная черта политики в либеральных демократиях, а проявление фундаментального переустройства глобальных отношений, ставящих под угрозу жизнеспособность традиционных национальных государств. При рассмотрении иммиграционного контроля и инкорпорации иммиграции, я обращаюсь к таким вопросам как: могут ли национальные государства фактически справиться с новым миграционным контекстом так, чтобы они контролировали миграцию, а не контролировались ею? Могут ли либеральные демократии «поглотить» этнические и религиозные меньшинства, сохраняя свою целостность и не превращаясь в спорные общества? Проявят ли государства определённые реакции на массовую миграцию, или они будут руководствоваться ее императивами в отношении широко аналогичных положений? Представляет ли Европейский Союз (ЕС) собой тот форум, на котором его государства-члены могут создать наднациональный иммиграционный режим?

1. Иммиграционный контроль

Национальные государства, а также созданные ими институты и законы представляют основные препятствия для миграции во всем мире, но и при отсутствии таковых миграционные потоки варьируют по своему составу и объёму [Zolberg 1981]. Тем не менее наиболее яркой характеристикой иммиграционной политики в западных обществах является большой «разрыв» между строгими законами и жёсткой риторикой, с одной стороны, и вопиющим свидетельством провала этих законов и пустотой этой риторики, с другой [Cornelius, Tsuda, Martin, Hollifield 2004]. Очевидно существенное несоответствие между усилиями по урегулированию миграции и результатами этих усилий. За приостановлением иммиграции в европейские страны, импортирующие рабочую силу, последовал в 1970-х гг. не отъезд временных гастарбайтеров, а, наоборот, обоснование и их воссоединение со старыми и новыми членами семьи. Так, численность иностранного населения в западных странах, вместо уменьшения, стабилизировалась или значительно увеличилась с 1980-х гг. [OECD 1991]. Большое число нелегальных мигрантов все же указывают на имеющиеся трещины защитных стен. В 2002 г. в пятнадцати государствах-членах ЕС было подсчитано около трех миллионов нелегальных рабочих. В Соединённых Штатах число нелегальных иммигрантов достигало девяти миллионов, из которых три миллиона были легализованы после 1986 г. В европейских странах же в 1990-х в ходе пяти амнистий, проведённых во Франции, Греции, Италии, Португалии и Испании, было легализовано примерно полтора миллиона человек [Miller 1999].

Впрочем, прямое заявление о том, что «контроль потерпел неудачу» или что традиционный государственный суверенитет — дело прошлого не что иное, как грубое упрощение. Пробелы между намерениями и результатами схожи во всех областях государственной политики и не обязательно являются признаками неудачи. Демократии отличаются своей решимостью регулировать иммиграцию, а некоторые из них лучше расположены и «оборудованы» с точки зрения географического положения и истории по сравнению с другими. Согласно Г. Брохману [Brochmann 1999a], среди «предварительных условий контроля» можно выделить экономическую и политическую географию, историю иммиграции и структуру рынка труда, что и создают разнообразные миграционные контексты для стран. Перефразируя Льва Толстого, можно сказать, что все иммигрантские страны назначения несчастливы, но каждая страна несчастлива по-своему.

Провал политики контроля может на время отразить новизну проблемы [Alink, Voin, Hart 2001], а также тот факт, что новые иммиграционные страны должны начать заново устанавливать контрольные аппараты [Sciortino 1999]. Государства совершенствуют свои «механизмы контроля» [Brochmann and Hammar 1999] исходя из какой-то более долгосрочной пер-

спективы, развивая впечатляющий арсенал новых институтов, тактик и технологий, которые включают передачу политики субгосударственным и частным субъектам, и экстернализируя усилия с целью снижения миграционного давления у их источника [Guiraudon 2000a; OECD 1991].

Миграция и политика миграционного контроля имеют многочисленные формы: организованное переселение беженцев, запрос убежища на месте, несанкционированный въезд и работа, превышение сроков пребывания по визам, постоянное поселение и временный въезд с целью туризма, бизнеса, учёбы или работы. Работа с переселением беженцев, легальной иммиграцией для постоянного проживания и визами для временного въезда является менее сложной задачей по сравнению с работой по предотвращению несанкционированного въезда или работы. С учётом правовых, моральных и политических ограничений, действующие на государства, особенно в отношении депортации, контроль над просителями убежища может быть самым сложным из всех работ [Gibney, and Hansen 2003]. Исследования, посвящённые конкретным видам миграции, могут выдать более достоверные выводы, чем работа, обобщающая вопросы иммиграции [Meyers 2004].

Несмотря на эти качества, между интересами и результатами сохраняется значительный разрыв. Один ряд объяснений связывает это с процессами глобализации. Для одних интеграция мирового рынка товаров, услуг и финансов ведёт неизбежно к формированию глобального и регионального рынков труда. Странам с капиталистической экономикой нужны как квалифицированные, так и неквалифицированные рабочие-мигранты для заполнения вакансий и поддержания конкурентоспособности. Антииммигрантская реакция побуждает национальные государства устанавливать защитные барьеры, но в долгосрочной перспективе они преуспеть не могут [Stalker 2000; Sassen 1999]. Для других неравное исполнение иммиграционного контроля коренится в появлении транснациональных институтов и ценностей, посвящённых защите прав человека. Эти чувства поддерживают формы «постнатального членства» [Soysal 1994], которые расширяют «права через границы» [Jacobson 1996] и делают традиционные типы национального гражданства все более устаревшими. Глобальный рынок способствует росту числа «транснациональных мигрантов», которые «встроены в многослойные социальные поля» в двух или более странах и, следовательно, регулярно вовлечены как внутри, так и за пределами территориальных государств [Levitt, DeWind, Vertovec 2003]. Работа с точки зрения глобализации вносит полезный вклад в наше понимание современных миграционных процессов, но грозит недооценкой продолжающегося господства национальных государств и не обращением внимания на выражение способов и трансграничных тенденций со стороны государств-участников.

Главной альтернативой глобализации является модель «встроенного реализма» [Hansen 2002], основанная на внутренней политике. К. Джопке [Joppke 1998] памятно назвал «самоограниченный суверенитет» источником разрыва в иммиграционной политике. Руководящие элиты, бюрократы и суды интерпретируют ограничительную политику как несовместимую с национальными законами и конституциями. Группы и партии, организующиеся вокруг иммиграции, не так уж ограничительны, как это обычно подразумевается. В странах с традиционной иммиграцией сильные интересы, которые непосредственно выигрывают от иммиграции, мобилизуются для поддержки открытой политики и обычно отменяют менее организованные возражения народного мнения [Freeman 1995; Betts 1999; Veugelers 2000].

Иммиграционная политика в Европе более спорная. Антииммиграционные партии и неустойчивые электораты сужают сферу либеральной политики [Betz, Immerfall 1998]. За отсутствием длительных традиций иммиграции существует меньший резервуар позитивного опыта и настроений, на который можно положиться. Ограничительная политика и враждебный политический дискурс ведут к широкому распространению восприятия того, что «Кре-

пость Европа» закрыта для мигрантов. Такие эпитеты, однако, вводят в заблуждение. В то время как они фиксируют уродливый тон худшей риторики, они не признают готовность европейских государств предоставить мигрантам доступ к социальному обеспечению, постоянному месту жительства и гражданству. Эта открытость вытекает как из национальных законов, дружественных по отношению к иммиграции, так и из полного политического провала.

Значимые элементы во всех демократических государствах хотят контролировать миграцию и предотвратить проникновение тех, кто считается «нежелательным». Однако они не всегда готовы за это расплатиться, поскольку более эффективные меры контроля влекут за собой финансовые расходы, ограничения на свободу и приостановление туризма и бизнеса. Существуют и другие интересы, которые поддерживают приём определённых классов мигрантов, от которых они ожидают экономическую и финансовую пользу. В начале 1990-х гг. А. Мессина [Messina 1994] изложил убедительное доказательство того, что несчастливое последствие эры гастарбайтеров привели к возобновлению схем найма рабочей силы в Европе. Однако десятилетие спустя эти государства конкурируют за привлечение высококвалифицированных непостоянных мигрантов, чей творческий потенциал и особые таланты им необходимы. Две страны, которые, как считается, относятся к числу наиболее антииммиграционных в Европе — Германия и Соединённое Королевство. Они являются лидерами, хотя основная часть новых опытных рабочих должна обязательно быть не из Европы. Восприятие серьёзного демографического кризиса стимулирует миграцию как средство замедления, если не средство обращения вспять тенденции к сокращению и старению населения. Миграция часто выступает в качестве средства стабилизации финансов пенсионных систем (пенсии по старости) путём улучшения доли иждивенцев. Доказательства того, что только постоянная иммиграция в колоссальном масштабе может сделать больше, чем смягчить эти проблемы, не позволяют отказаться полностью от идеи [United Nations (UN) 2001].

Следует также упомянуть о транснациональных и внутренних перспективах иммиграции. Вместо того чтобы следовать этим дебатам, что может превратиться в некий теоретический тупик, учёные должны изучить взаимосвязь глобального и национального. Хотя глобальные и региональные изменения бросают вызов традиционным способам суверенитета, отдельные и коллективные государства борются с этим. При подобном внешнем давлении национальные государства разрабатывают различные режимы иммиграционного контроля, отражающие давние институциональные и культурные особенности. Более того, широкое сотрудничество по вопросам иммиграции и предоставления убежища в ЕС не мешает государствам-членам проводить свою собственную политику, нацеленную на свои личные цели.

Согласно заключению недавнего исследования, иммиграционная политика принимающих государств имеет широкое и впечатляющее сходство [Meurers 2004]. Однако общества поселенцев существенно отличаются от европейских государств [Freeman 1995; Cornelius, Tsuda, Martin, Hollifield 2004] и между собой [Freeman Birrell 2001]. Что касается Европы, историческое исследование Т. Хаммера показало, что расхождение в политике прекратилось, вместо этого в настоящее время наблюдается тенденция к политике сближения. Однако четырнадцать лет спустя Г. Брехман отмечает, что процесс гармонизации, наблюдаемый в сегодняшней Европе, можно более точно обозначить как *условное сближение*. Сохраняющиеся различия между либеральными государствами отражают культурные, исторические и институциональные различия, которые формируют реакцию населения на иммиграцию [Joppke 1999]. Двойное гражданство и вопросы убежища имеют особый резонанс в Германии из-за неудачной истории, в то время как в постимперской Великобритании двойное гражданство — это не проблема, а сама политика убежища зациклена на издержках. Иммиграционная политика в Германии и Франции отражает разные традиции нации [Brubaker 1992; Hollifield 1992]. В Скандинавии иммиграция сводится к дискурсам о государстве всеобщего

благополучия [Hammar 1999; Brochmann 1999b]. Новые страны иммиграции в Южной Европе более терпимы к нелегальной миграции, чем их северные соседи [Geddes 2000].

На первый взгляд, эволюция иммиграции и убежища в ЕС, по-видимому, поддерживает тезис об ослаблении суверенитета. Отмена внутренних границ, шаги, предпринимаемые в направлении общей политики в отношении убежища, внешних границ и иммиграции, а также размещение иммиграции и убежища в основу деятельности Европейского сообщества в 2004 г. указывают на драматическое движение к наднациональной иммиграционной политике. Однако такой вывод проблематичен. Являются ли успехи или неудачи движения к общей политике иммиграции и предоставления убежища более впечатляющими? Безусловно, многое уже сделано, и сейчас сотрудничество по вопросам миграции и более центральной роли институтов ЕС гораздо активнее, чем несколько лет назад. С другой стороны, каждый шаг прогресса был извилист [Van Selm, Tsolakis 2004]. Хотя Европейская Комиссия играет ведущую роль в разработке многосторонних подходов, важнейшие решения остаются в руках Совета Европы, то есть его государств-членов. Сотрудничество направлено в большей степени на усиление контроля, чем на расширение передвижения. Национальные руководители не столько руководствовались Брюсселем, сколько «бежали в Европу» [Geddes 2003], чтобы найти места для разработки политики, которые ограждали бы их от национальных парламентов и судов [Guiraudon 2000a].

Новый контекст миграции создаёт серьёзные проблемы для либерально-демократических государств, которые ещё не проявили способность адекватно реагировать на них. Тем не менее государства продолжают утверждать свои прерогативы для контроля своих границ, и, когда они соглашаются делегировать полномочия региональным режимам, таким как Европейский союз, их намерением становится наиболее эффективное достижение национальных целей, чем они могут достигнуть сами по себе. Изменения на глобальном или региональном уровнях являются реальными, но их воздействие передаётся через процессы, специфичные для конкретной страны. Существует несколько систематических сравнений принимающих государств, но имеющиеся данные свидетельствуют о том, что государства следуют национально отличимым иммиграционным режимам, в том числе внутри ЕС. Разработка надёжных показателей иммиграционных политик для содействия решений о степени конвергенции, основанной на большем, чем интуиция, — важнейший императив исследования.

2. Инкорпорации иммигрантов

Ни одно из европейских государств не задавалось целью стать многоэтническим иммигрантским обществом. Традиционные страны сознательно не брались за массовую иммиграцию из стран третьего мира. Если бы избиратели напрямую решали этот вариант развития событий, несомненно, последовал бы отрицательный ответ. Тем не менее, к 1999 г. во Франции, Германии, Италии, Нидерландах, Норвегии, Швеции и в Соединённом Королевстве насчитывалось 11,8 млн. иностранцев. Они составляли 8,9 % населения Германии и 5,6 % Франции [MPI 2004]. В 2001 г. в ЕС проживало 12 миллионов мусульман, главным образом иммигрантов по происхождению. Источники миграции в традиционные страны резко и навсегда переместились в Азию, Латинскую Америку и Африку.

Инкorporация иммигрантских меньшинств из разнообразных культурных сред является вызовом для западных государств в плане размещения индустриальных рабочих классов столетием ранее. Крупные и растущие мусульманские общины в эпоху исламского фундаментализма и опасений терроризма представляют собой особое испытание, для которого практически не существует прецедента [Lewis 1994]. Вопрос о том, будут ли мусульмане в массовом порядке принимать нормы и признавать культурные компромиссы, требуемые от демократи-

ческих граждан, или быть агентами «столкновения цивилизаций», мирного или иного, является открытым вопросом [Huntington 1996]. Традиционные иммиграционные страны «поглощают» иммигрантов из поколения в поколение, но даже они имеют дело с притоками на так называемых исторических уровнях и в новых условиях. В прошлом они обычно стремились к ассимиляции, растворению мигрантов в коренном населении. В последнее время они экспериментировали с формальным (Канада, Австралия) или неформальным (США) мультикультурализмом — подход, который узаконивает сохранение элементов культурных различий. Европейские государства часто игнорировали вопросы инкорпорации в течение первых десятилетий массовой миграции, предполагая временный характер своих мигрантов. Когда урегулирование было неоспоримо, они начали накладывать друг на друга схемы инкорпорации. Только Франция выбрала сильный вариант культурной ассимиляции. Другие государства либо заигрывали с культурным и социальным отторжением (Германия), либо выбирали какой-нибудь вариант мультикультурализма³.

К. Джопке и Е. Моравска утверждают [Joppke, Morawska 2003], что сильное стремление к официальному мультикультурализму находится на стадии ослабления, хотя де-факто мультикультурализм стал распространённой реальностью в либеральных государствах, принимающих иммигрантов. Они обнаруживают появление сильного желания вернуться к среднему уровню интеграции, который отвергает как исключение, так и ассимиляцию. Из традиционных обществ только Австралия значительно сократила свои многокультурные обязательства [Freeman, Birrell 2001; Castles 1992]. В Европе, однако, есть что-то вроде паники в отношении более агрессивных интеграционных мер. Наиболее яркими показателями этого являются «интеграционные контракты», предусматривающие признание языка принимающей страны и знание местной истории и политических институтов в качестве требований для получения резидентных виз, натурализации или получения социальных льгот. Это все было принято в государствах с широко варьирующими подходами к инкорпорированию.

Германия долгое время отказывалась признавать, что иммигранты могут быть постоянными и, следовательно, не имела стимула вводить ассимиляционистские меры, которые могли быть контрпродуктивными для процесса возвращения. К 2003 г. правительство и оппозиция изменили свой курс и представили законопроекты об интеграции для управления языковыми классами с экзаменами в качестве условия получения льгот по социальным пособиям и безработице. Австрия приняла аналогичное законодательство в 2004 г. Франция — европейская страна с самой сильной предрасположенностью к попытке ассимилировать иммигрантов — испытала некоторые из наиболее интенсивных культурных конфликтов. В 2003 г. были установлены договоры о приёме и интеграции, требующие знание французского языка и окончания курсов по гражданскому праву в обмен на вид на жительство. Однако Франция пошла на многочисленные практические уступки мультикультурализму [Schain 1999]. Поскольку исламский фундаментализм начал беспокоить правительство, были предприняты усилия по сотрудничеству с мусульманским сообществом путём создания национального представительного совета, хотя это означало признание легитимности этнического меньшинства.

Швеция и Нидерланды были ранними энтузиастами мультикультурализма, выводя на первый план экономическую интеграцию, а не вопросы из сферы культуры, и возлагая

³ Различные типологии предназначены для поддержания этих механизмов. Они в основном затрагивают такие вопросы, как условия членства и рассматриваются ли мигранты индивидуально или группами. Данные попытки теоретического обобщения отвергаются несистематическими, специальными и некогерентными процессами инкорпорации, применяемыми государствами. Для критического обзора работы с использованием рубрик расы и этнической принадлежности в европейском контексте см. Bovenkerk, Miles, Verbunt 1991, а по США см. King 2000.

больше ответственности на иммигрантов для адаптации [Hammar 1985]. На своей ранней многокультурной фазе обе страны перешли от «мольбы о толерантности ... [к] публичному утверждению различия, желательного для общества» [Geddes 2003]. Опасения, что такая политика препятствует успешной адаптации и увеличивает социальную дистанцию между мигрантами и местным населением, привели к новой голландской политике в 1994 г., в которой подчёркивались равные возможности для отдельных лиц, а не групп, и была учреждена программа по голландским ценностям и языку [Entzinger 2003]. Швеция следовала аналогичной траектории. После 1985 г. беспокойство о нефункционировании мультикультурализма стимулировало движение, уделяющее большее внимания шведскому языку и культуре [Geddes 2003; Hammar 1999]. Британия разработала модель мультикультурализма, которая мало походила на практику других европейских государств [Favell 1998], но недавние события показывают, что она тоже пересматривает необходимость интеграции. «Белая книга по миграции и гражданственности» говорит об «интеграции в условиях многообразия», подчёркивает важность общих ценностей и необходимость знания английского языка для вновь прибывших, а также включает в себя клятвы верности для новых граждан [Home Office UK 2002].

Несмотря на обсуждение со стороны учёных о необходимости наличия фактического гражданства для обеспечения большей части прав граждан [Soysal 1994; Hansen 1998; Bauboesk 1994], подлинная интеграция иммигрантских меньшинств все-таки должна включить в себя доступ к гражданству. В традиционных иммиграционных обществах гражданство относительно легко получить [Aleinikoff, Klusmeyer 2000; Schuck 1984], но есть большая разница в относительной открытости политики европейского гражданства, многие из которых были недавно изменены [Cinar, Davy, Waldrauch 1999]. М. Ховард [Howard 2003] приходит к выводу, что пока ещё слишком рано говорить о процессе конвергенции в странах ЕС и вместо этого определяет модель «прочной дивергенции». Р. Хансен [Hansen, Weil 2001] согласен с тем, что нет чёткого направления к изменению политики в Европе и что можно с большой уверенностью говорить о либеральной гармонизации натурализации в Северо-Западной Европе. Он указывает, однако, что за исключением Австрии, Люксембурга и Греции, все мигранты второго поколения имеют право на получение гражданства либо при рождении, либо в возрасте до 21 года.

Изучение инкорпорации можно было бы продвинуть, если бы учёные перешагнули за рамки официальной политики интеграции для исследования влияния регуляторных режимов, не направленных конкретно на мигрантов. Политология не смогла связать изучение сравнительной политической экономии и государства всеобщего благосостояния с иммиграцией потому, что иммиграционные специалисты не использовали знания этих родственных областей и потому, что последние в значительной степени игнорировали иммиграцию. Например, политика трудового рынка, проявляющаяся в разного рода литературе капитализма, критически относится к судьбам мигрантов, а миграция является основным фактором, определяющим вклад человеческого капитала в капиталистические трудовые ресурсы [Engelen 2003; Portes 1995]. Сегодня беспрецедентной характеристикой миграции является то, что основными странами назначения являются богатые государства всеобщего благосостояния. Вопрос о том, подрывает ли миграция политический консенсус, на котором базируются государства всеобщего благосостояния или который является средством спасения их от финансового краха, является ключевым вопросом для студентов демократических стран [Guiraudon, Lahav, 2000; Bommes, Geddes, 2000; Ireland 2004].

Заключение

Демографические изменения ведут к заметным последствиям для государственного устройства, но у политологов особого интереса данный аспект не вызывает. Среди факторов, влияющих на изменение населения, миграция является наиболее важной и наиболее подверженной политическим манипуляциям. Политическая наука недавно мобилизовала свои ресурсы для анализа иммиграции, но субкатегория по-прежнему остаётся маргинальной и относительно неразвитым предприятием в рамках этой дисциплины. В этой главе был рассмотрен только один аспект предмета — миграция в западных демократиях за последние сорок лет. Я утверждал, что либеральные государства оторваны от своего подхода к иммиграции, и эта нерешительность отражается в политике, которая представляет собой несвязное сочетание агрессивного ограничения активного и пассивного ее принятия. Эта ситуация может быть лишена постоянства, и с течением времени тот или иной импульс может взять верх. Более яркие сторонники иммиграции могут указывать на многочисленные силы, подталкивающие западные общества к их будущему в качестве многокультурных стран иммиграции — активизация торговли, технологические изменения, демографический дисбаланс между отправляющими и принимающими регионами, революция прав, европейская интеграция и наступление времени пост-материалистического поколения, для которого терпимость — это коренной принцип. Скептики отмечают недостаточность успешных мультикультурных обществ, отмечают глубоко укоренившуюся склонность человека к национальным и этническим конфликтам и, в целом, рассматривают нынешнюю ситуацию как беспрецедентный социальный эксперимент в широком масштабе, который может все же перерасти в котлован культурных и религиозных врагов. В настоящее время правительствам, кроме показных усилий по контролю над нежелательной миграцией, что может быть неэффективной политикой, требуется также заслужить общественное желание следовать возобновлению найма квалифицированных мигрантов и запустить переформулированные программы для интеграции существующих иммигрантских общин.

Aleinikoff T.A., Klusmeyer D. (eds.) 2000. *From Migrants to Citizens*. — Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. [Алейникофф Т.А., Клусмейер Д. 2000. *От мигрантов к гражданам*. — Вашингтон: Фонд Карнеги за международный мир]

Alink F., Boin A., 't Hart P. 2001. Institutional crises and reforms in policy sectors: the case of asylum policy in Europe. — *Journal of European Public Policy*. — No. 8. — Pp. 286–306. [Алинк Ф., Боин А., 'т Харт П. 2001. Институциональные кризисы и реформы в политических секторах: случай политики предоставления убежища в Европе. — *Журнал Европейской Публичной Политики*].

Bauboek R. 1994. *Transnational Citizenship*. — Aldershot: Edward Elgar. [Баубек Р. 1994. *Транснациональное гражданство*. — Олдершот: Эдуард Элгар].

Betts K. 1999. *The Great Divide*. — Sydney: Duffy and Snellgrove. [Бэттс К. 1999. *Великое разделение*. — Сидней. Издательство Duffy and Snellgrove].

Betz H.-G., Immerfall S. (eds.) 1998. *The New Politics of the Right*. — New York: St. Martin's Press. [Бетц Х.-Г., Иммерфал С. 1998. *Новая политика права*. — Нью-Йорк, издательство Св. Мартина].

Bommes M., Geddes A. (eds.) 2000. *Immigration and Welfare*. — London: Routledge. [Баммес Г., Геддес А. 2000. *Иммиграция и благосостояние*. — Лондон, издательство Рутледж].

Bovenkerk F., Miles R., Verbunt G. 1991. Comparative studies of migration and exclusion on grounds of "race" and ethnic background in Western Europe: a critical appraisal. — *International Migration Review*. — No. 25. — Pp. 375–91. [Бовенкерк Ф., Майлз Р., Вербунт Г. 1991. Сравнительное исследование миграции и исключения на основе «расы» и этнического происхождения в Западной Европе: критическая оценка. — *Обзор Международной Миграции*].

Brochmann G. 1999a. Controlling immigration in Europe. — Brochmann G., Hammar T. (eds.) 1999. *Mechanisms of Controls*. — New York: Oxford University Press. — Pp. 297–334. [Брохманн Г. 1999а. Контроль иммиграции в Европе].

Brochmann G. 1999b. Redrawing lines of control: the Norwegian welfare state dilemma. — Brochmann G., Hammar T. (eds.) 1999. *Mechanisms of Controls*. — New York: Oxford University Press. — Pp. 203–32. [Переопределение линий контроля: дилемма государственного благосостояния Норвегии].

Brochmann G., Hammar T. (eds.) 1999. *Mechanisms of Controls*. — New York: Oxford University Press. [Брохманн Г., Хаммар Т. 1999. *Механизмы контроля*. — Нью-Йорк, издательство Оксфордского университета].

Brubaker W.R. 1992. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Брубейкер Р. 1992. *Гражданство и национальность во Франции и Германии*. — Кембридж, издательство Гарвардского университета].

Castles S. 1992. The Australian model of immigration and multiculturalism: is it applicable in Europe? — *International Migration Review*. — No. 26. — Pp. 549–67. [Кастлз С. 1992. Австралийская модель иммиграции и мультикультурализма: применима ли она в Европе? — *Обзор Международной Миграции*].

Cinar D., Davy U., Waldrauch H. 1999. Comparing the rights of non-citizens in Western Europe. — *Research Perspectives on Migration*. — No. 2. — Pp. 8–11. [Чинар Д., Дейви У., Валдбраух Г. 1999. Сравнивая права неграждан в Западной Европе. — *Перспективы исследований в области миграции*].

Cornelius W.A., Tsuda T., Martin P.L., Hollifield J.F. (eds.) 2004. *Controlling Immigration*. — Stanford, Calif.: Stanford University Press. [Корнелиус В.А., Тсуда Т., Мартин П.Л., Холлифилд Дж.Ф. 2004. *Контролируя иммиграцию*. — Стэнфорд, Калифорния, издательство Стэнфордского университета].

Engelen E. 2003. How to combine openness and protection? Citizenship, migration, and welfare regimes. — *Politics & Society*. — No. 31. — Pp. 503–36. [Энгелен Э. 2003. Как совместить открытость и защиту? Режимы гражданства, миграции и благосостояния. — *Политика и Общество*].

Entzinger H. 2000. The dynamics of integration policies: a multidimensional model. — *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics*, ed. R. Koopmans and P. Statham. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 97–118. [Энтцингер Г. 2000. Динамика интеграционных политик: многомерная модель. *Вызов иммиграции и политике этнических отношений*. — Издательство Оксфордского университета].

Entzinger H. 2003. The rise and fall of multiculturalism: the case of the Netherlands. — *Toward Assimilation and Citizenship*, ed. C. Joppke and E. Morawska. — Houndmills: Palgrave. — Pp. 59–86. [Рост и падение мультикультурализма: случай Нидерландов, *Навстречу ассимиляции и гражданства*, под ред. К. Джопке и Э. Моравска. Издательство Палгрейв].

Favell A. 1998. *Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain*. — London: Macmillan. [Фавелл А. 1998. *Философия интеграции: иммиграция и идея гражданства во Франции и Великобритании*. — Лондон, Макмиллан].

Freeman G.P. 1995. Modes of immigration politics in liberal democratic states. — *International Migration Review*. — No. 29. — Pp. 881–902. [Фримен Г.П. 1995. Режимы имми-

грационной политики в либерально-демократических государствах. — *Обзор Международной Миграции*].

Freeman G.P., Birrell B. 2001. Divergent paths of immigration policy in the United States and Australia. — *Population and Development Review*. — No. 27. — Pp. 525–51. [Биррелл Б. 2001. Расходящиеся пути иммиграционной политики в Соединенных Штатах и Австралии. — *Обзор Народонаселения и Развития*].

Geddes A. 2000. *Immigration and European Integration: Towards Fortress Europe?* — Manchester: Manchester University Press. [Геддес А. 2000. *Иммиграция и европейская интеграция: Крепость Европа?* — Манчестер, издательство Манчестерского университета].

Geddes A. 2003. *The Politics of Migration and Immigration in Europe*. — London: Sage. [Политика миграции и иммиграции в Европе. — Лондон, издательство Sage].

Gibney M., Hansen R. 2003. Deportation and the liberal state: the forcible return of asylum seekers and unlawful migrants in Canada, Germany and the United Kingdom. — *Working Paper*. — No. 77. — Geneva: UNHCR. [Гибни М., Хансен Р. 2003. Депортация и либеральное государство: насильственное возвращение просителей убежища и незаконных мигрантов в Канаде, Германии и Соединенном Королевстве. — Рабочий документ № 77. — Женева: УВКБ ООН].

Guiraudon V. 2000a. The Marshallian tryptich reordered: the role of courts and bureaucracies in furthering migrants' social rights. — Bommes M., Geddes A. (eds.) 2000. *Immigration and Welfare*. — London: Routledge. — Pp. 72–89. [Гуиродон В. 2000. Маршалльский триптих: роль судов и бюрократий в содействии социальных прав мигрантов].

Guiraudon V. 2000b. European integration and migration policy: vertical policy making as venue shopping. — *Journal of Common Market Studies*. — No. 38. — Pp. 251–71. [Европейская интеграция и миграционная политика: вертикальная политика как место торговли. — *Журнал исследований общего рынка*].

Guiraudon V., Lahav G. 2000. A reappraisal of the state sovereignty debate: the case of migration control. — *Comparative Political Studies*. — No. 33. — Pp. 162–95. [Лавав Г. Переоценка дебатов государственного суверенитета: случай миграционного контроля. — *Сравнительное политическое исследование*].

Hammar T. 1985. *European Immigration Policy*. — Cambridge: Cambridge University Press. [Хаммар Т. 1985. *Европейская иммиграционная политика*. — Кембридж, издательство Кембриджского университета].

Hammar T. 1999. Closing the doors to the Swedish welfare state. — Brochmann G., Hammar T. (eds.). *Mechanisms of Controls*. — New York: Oxford University Press. — Pp. 169–201. [Закрывая двери государству шведского благосостояния 1999].

Hansen R. 1998. A European citizenship or a Europe of citizens? Third country nationals in the EU. — *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — No. 24. — Pp. 751–68. [Хансен Р. 1998. Европейское гражданство или Европа граждан? Граждане третьих стран в ЕС. — *Журнал этнических и миграционных исследований*].

Hansen R. 2002. Globalization, embedded realism, and path dependence: the other immigrants to Europe. — *Comparative Political Studies*. No. 35. — Pp. 259–83 [Глобализация, встроенный реализм и зависимость от пути: другие иммигранты в Европу. — *Сравнительное политическое исследование*]

Hansen R., Weil P. (eds.) 2001. *Towards a European Nationality*. — London: Routledge. [и Вейл П. 2001. *Навстречу европейской национальности*. — Лондон, издательство Рутледж].

Hatton T.J., Williamson J.G. 1998. *The Age of Mass Migration*. — New York: Oxford University Press. [Хаттон Т.Дж., Виллиамсон Дж.Г. 1998. *Время массовой миграции*. — Нью-Йорк, издательство Оксфордского университета].

Hollifield J.F. 1992. *Immigrants, Markets, and States*. — Cambridge, Mass: Harvard University Press. [Холлифилд Дж.Ф. 1992. *Иммигранты, рынки и государства*. — Кэмбридж, издательство Гарвардского университета].

Home Office, UK 2002. *Secure Borders, Safe Haven*. — London: HMSO. [*Безопасные границы, безопасная гавань*. — Лондон: Канцелярия Её Величества].

Howard M.M. 2003. *Foreigners or citizens? Citizenship policies in the countries of the EU*. Paper presented at the European Union Studies Association Conference, Nashville, 27–9 March. [Ховард М.М. 2003. Иностранцы или граждане? Политика гражданства в странах ЕС. Документ представлен на Конференции Ассоциации Исследований ЕС, Нэшвилл, 27–9 марта].

Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. — New York: Simon and Schuster. [Хантингтон С.П. 1996. Столкновение цивилизаций и передел мира. — Нью-Йорк: Саймон энд Шустер].

Ireland P. 2004. *Becoming Europe: Social Policy and Immigrant Integration in Germany and the Low Countries*. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. [Ирландия Р. 2004. Становление Европы: социальная политика и интеграция иммигрантов в Германии и странах с низким уровнем. — Университет Питтсбурга].

Jacobson D. 1996. *Rights Across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press. [Джекобсон Д. 1996. *Права через границы: иммиграция и падение гражданства*. — Балтимор: Издательство университета Джона Хопкинса].

Joppke C. (ed.) 1998. *Immigration challenges the nation-state*. — *Challenge to the Nation-State*. — New York: Oxford University Press. — Pp. 5–46. [Джоппке К. 1998. *Иммиграция бросает вызов национальному государству*. — Нью-Йорк, издательство Оксфордского Университета].

Joppke C. 1999. *Immigration and the Nation-State*. — Oxford: Oxford University Press. [*Иммиграция и национальное государство*. — Оксфорд, издательство Оксфордского Университета].

Joppke C., Morawska E. 2003. Integrating immigrants in liberal nation-states: policies and practices. — *Toward Assimilation and Citizenship*, ed. C. Joppke and E. Morawska. Houndmills: Palgrave. — Pp. 1–36. [Моравска Э. 2003. Интеграция иммигрантов в либеральных национальных государствах: политика и практика. — *Навстречу ассимиляции и гражданства*, издательство Палгрейв].

King D. 2000. *Making Americans*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press. [Кинг Д. 2000. *Создание американцев*. — Кэмбридж, издательство Гарвардского университета].

Koopmans R., Statham P. 2000. Migration and ethnic relations as a field of political contention: an opportunity structure approach. — *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics*, ed. R. Koopmans and P. Statham. — Oxford: Oxford University Press. — Pp. 13–56. [Купманс Р. и Стэтхэм П. 2000. Миграция и этнические отношения как область политического раздора: подход структурных возможностей. — *Вызов иммиграции и политике этнических отношений*. Издательство Оксфордского университета].

Levitt P., DeWind J., Vertovec S. 2003. Transnational migration: international perspectives. — *International Migration Review*. — No. 37. — Pp. 565–75. [Левитт П., ДеВинд Дж., Вертовец С. 2003. Транснациональная миграция: международные перспективы. — *Обзор Международной Миграции*].

Lewis B. 1994. Legal and historical reflections on the position of Muslim populations under non-Muslim rule. — *Muslims in Europe*, ed. B. Lewis and D. Schnapper. London: Pinter. — Pp. 1–18. [Левис Б. 1994. Правовые и исторические размышления о положении мусульманского населения в рамках немусульманского правления. — *Мусульмане в Европе*, под ред. Б. Левис и Д. Шнаппер. — Лондон, издательство Пинтер].

Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. 1998. *Worlds in Motion*. — Oxford: Clarendon Press. [Мэсси Д.С., Аранго Дж., Хьюго Г., Коуаоучи А., Пеллегрини А., Тейлор Дж.Е. 1998. *Слова в движении*. — Оксфорд, издательство Кларендон].

Messina A.M. 1994. Political impediments to the resumption of labour migration to Western Europe. — *West European Politics*. — No. 3. — Pp. 31–46. [Мессина А.М. 1994. Политические препятствия на пути возобновления трудовой миграции в Западную Европу. — *Западноевропейская политика*].

Meyers E. 2004. *International Immigration Policy*. — New York: Palgrave. [Мейерс Е. 2004. *Международная иммиграционная политика*. — Нью-Йорк, издательство Палгрейв].

Miller M.J. 1999. The prevention of unauthorized migration. — *Migration and Refugee Policies: An Overview*, ed. A. Bernstein and M. Weiner. — London: Pinter. — Pp.20–44. [Миллер М.Дж. 1999. Предотвращение несанкционированной миграции. — *Политика миграции и беженцев: обзор*, изд. А. Бернштейн и М. Вайнер. — Лондон, издательство Пинтер].

Moch L.P. 2003. *Moving Europeans: Migration in Western Europe Since 1650*, 2nd edn. — Bloomington: Indiana University Press. [Мок Л.П. *Движущиеся европейцы: миграция в Западной Европе с 1650*, 2-е изд. — Блумингтон, издательство Индианского университета].

MPI (Migration Policy Institute/Институт миграционной политики). 2004. — Stockdata (foreigner).

Available at: <http://www.migrationinformation.org/GlobalData/charts1.cfm>.

OECD 1991. *Continuous Reporting System on Migration (SOPEMI)*. — Paris: OECD. [ОЭСР 1991. *Система непрерывной отчетности по вопросам миграции (СОПЕМИ)*. — Париж: ОЭСР].

OECD 1999. Trends in International Migration: SOPEMI. — Paris: OECD.

OECD 2004. Trends in International Migration: SOPEMI 2003. — Paris: OECD.

Portes A. (ed.) 1995. *The Economic Sociology of Immigration*. — New York: Russell Sage Foundation [Портес А. 1995. *Экономическая социология иммиграции*. — Нью-Йорк, Фонд Рассел Сейдж].

Sanders J. 2002. Ethnic boundaries and identity in plural societies. *Annual Review of Sociology*. — No. 28. — Pp. 327–57. [Сандерс Дж. 2002. Этнические границы и идентичность в плюралистических обществах. — *Ежегодный обзор социологии*].

Sassen S. 1999. *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. — New York: Columbia University Press. [Сассен С. 1999. *Потеря контроля? Суверенитет в эру глобализации*. — Нью-Йорк, издательство Колумбийского университета].

Schain M. 1999. Minorities and immigrant incorporation in France. — *Multicultural Questions*, ed. C. Joppke and S. Lukes. — Oxford: Oxford University Press. — Pp. 199–223. [Шейн М. 1999. Меньшинства и инкорпорация иммигрантов во Франции. *Мультикультурные вопросы*, под ред. К. Джоппке и С. Лукаса. Оксфорд, издательство Оксфордского университета].

Sciortino G. 1999. Planning in the dark: the evolution of Italian immigration control. — Brochmann G., Hammar T. (eds.). *Mechanisms of Controls*. — New York: Oxford University Press. — Pp. 233–60. [Скиортино Г. 1999. Планирование в темноте: эволюция контроля итальянской иммиграции].

Schuck P. 1984. The transformation of immigration law. — *Columbia Law Review*. — No. 84. — Pp. 1–90. [Шак П. 1984. Преобразование иммиграционного законодательства. — *Обзор колумбийского законодательства*].

Soysal Y. 1994. *Limits to Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe*. — Chicago: University of Chicago Press. [Сойсал Я. *Ограничения на гражданство: мигранты и постнациональное членство в Европе*. — Чикаго, издательство Чикагского университета].

Stalker P. 2000. *Workers Without Frontiers*. — Boulder, Colo.: Lynne Rienner. [Столкер П. 2000. *Работники без границ*].

United Nations (UN) 2001. *Replacement Migration*. — New York: UN. [Организация Объединенных Наций (ООН) 2001. *Замена миграции*. — Нью-Йорк. ООН].

United Nations (UN) 2004. *World Population Policies, 2003*. — New York: UN. [Всемирная политика в области народонаселения. — Нью-Йорк, ООН].

Van Selm J., Tsolakis E. 2004. The enlargement of an 'area of freedom, security and justice': managing migration in a European Union of 25 members. Policy Brief #4. — Washington, DC: Migration Policy Institute. [Ван Селм Дж. и Тсолакис Е. 2004. Расширение «области свободы, безопасности и справедливости»: управление миграцией в Европейском союзе 25 членов. Краткий обзор политики №4. — Вашингтон: Институт миграционной политики].

Veugelers J.W.P. 2000. State–society relations in the making of Canadian immigration policy during the Mulroney era. — *Canadian Review of Sociology and Anthropology*. — No. 37. — Pp. 1–16. [Вьюджелерс Дж.В.П. 2000. Государственно-общественные отношения в процессе формирования канадской иммиграционной политики в эпоху Малруни. — *Канадский обзор социологии и антропологии*].

Zolberg A.R. 1981. International migrations in political perspective. — *Global Trends in Migration*, ed. M.M. Kritz, C.B. Keely, and S.M. Tomasi. — New York: Center for Migration Studies. — Pp. 3–27. [Золберг А.Р. 1981. Международные миграции в политической перспективе. *Глобальные тренды в миграции* под ред. М.М. Критц, К.Б. Киили и С.М. Томаси. — Нью-Йорк. Центр миграционных исследований].